

МИХАЙЛОВСКАЯ Н. Г.

**О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ ИЗУЧЕНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ**

Актуальность вопросов, связанных с исследованием русского языка как средства межнационального общения, бесспорна не только для отечественной лингвистики, но и для ряда других областей науки и практики — социологии, экономики, преподавания и культуры. В работах, опубликованных за последнее время, социологи, философы, экономисты и методисты постоянно обращаются к этой проблеме в аспекте своих специальностей. Так, социологи и философы рассматривают вопросы русского языка как средства межнационального общения в плане социальных изменений структуры советского общества, а также в плане межличностных отношений; экономисты делают упор на экономических преобразованиях и миграционных процессах; методисты ставят данную проблему и в рамках русского языка как предмета преподавания в национальной школе, и в границах других школьных и вузовских дисциплин; исследователи и деятели искусства обращаются к этой проблеме при изучении культурных связей между народами Советского Союза.

Это аспекты нелингвистических областей, представляющие, однако, значительный интерес и для языковеда, потому что в них по существу определяются основные пути распространения русского языка в данном статусе, указываются главные процессы, обуславливающие его распространение, причем сам характер этих процессов, несомненно, влияет на некоторые особенности русского языка при его функционировании на территории страны. Постановка вопроса о русском языке как средстве межнационального общения в нелингвистических трудах, еще раз подчеркивая актуальность проблемы в целом, одновременно является своего рода ориентиром при анализе теоретических сторон данной проблемы.

Очевидно, что большой общественный интерес к лингвистической проблематике вызван объективными причинами: 60 лет, прошедшие со времени создания Союза Советских Социалистических Республик, ознаменовались коренными социально-экономическими и культурными преобразованиями в стране при совместной деятельности всех народов СССР. Это сотрудничество в любой области современной жизни страны подготовило, сформировало и определило новый этап в развитии русского языка — в качестве средства общения между нациями и народами Советского Союза.

Сама формулировка «русский язык как средство межнационального общения между народами СССР» заключает в себе и наименование темы, которая локализована социально — поскольку речь идет о русском языке в социальной среде новой исторической общности, в среде советского народа, и постановку проблемы, которая определяется прежде всего коммуникативной функцией названного объекта. С лингвистических позиций в данной формулировке содержится учет системно-структурных признаков и учет признаков речевых характеристик.

Вместе с тем разграничение признаков по названным двум направлениям, т. е. по направлению системности языка и по направлению его функционирования при общении, более, пожалуй, условно, чем при исследовании русского языка в среде породившего его национального коллек-

тива. Следование принятой формулировке «русский язык как средство межнационального общения» необходимо актуализирует коммуникативную функцию, причем и в ее потенциальном состоянии свойства языковой системы, и в ее конкретной реализации речевых актов.

Признак «межнациональный» выводит русский язык в сферы контактов народов СССР в различных областях общественной жизни. На первый же взгляд здесь возникает известная корреляция данного признака с признаком «национальный». Соотношение этих признаков может рассматриваться в аспекте содержания определенных понятий, которые требуют уточнения как понятий, обусловленных лингвистически и экстралингвистически. В данном случае речь идет о главных терминах, используемых при анализе проблемы. Следует заметить, что терминология в этой области в настоящее время нуждается в конкретизации. Необходимость такой конкретизации вызывается задачами дальнейшего совершенствования лингвистической теории и практики и становится все более острой в связи с увеличением статей, монографий и диссертаций, посвященных исследованию русского языка в данном статусе.

Нет сомнения, что уточнение понятий является неперенным условием развития в каждой научной области. Строгость терминологии становится частичным свидетельством совершенствования научного аппарата. Но вместе с тем нельзя проходить мимо и такого явления, когда возникающая понятийно-семантическая диффузность обозначений заставляет пристальнее и внимательнее всматриваться в существо и характер обозначаемого явления. Этот вопрос ставится не только в русле лингвистической проблематики, но и в связи с общей теорией познания. Ср. мнение А. Л. Андреева: «Казалось бы, мы здесь сталкиваемся с теоретическим парадоксом. С одной стороны, многозначность, интуитивность и связанная с ними нередко смысловая расплывчатость концептуального аппарата науки — отрицательные факторы, подлежащие всемерному устранению, с другой — они неустранимы и, более того, полезны для развития научного знания. Конечно, тут налицо определенное противоречие, обусловленное противоречивыми тенденциями самого научного познания» [1].

Вопрос о терминологии чрезвычайно существен при разработке темы «русский язык как средство межнационального общения» потому, что многие важные ее стороны так или иначе связаны с понятийным содержанием и объемом ряда обозначений, принятых в этой области.

Итак, вопрос о терминологии встает в связи с корреляцией признаков «межнациональный (язык)» — «национальный (язык)». Последующая корреляция включает и признак «мировой (язык)». В условной иерархии этих признаков понятие «межнациональный» занимает как бы положение среднего звена в цепочке: «национальный» — «межнациональный» — «мировой». Для того, чтобы определить содержание «среднего звена», следует обратиться к содержанию первого и третьего понятий.

Начнем с понятия «мировой». Свойства и качества мирового языка так, как их определяет В. Г. Костомаров, сводятся в основном к четырем тезисам: 1) глобальность распространения с учетом того, что данный язык находит применение на территориях, географически далеких друг от друга; 2) сознательность принятия данного языка и как этическая характеристика авторитетность его; 3) изучение данного языка «академическим путем», т. е. через сеть организованного преподавания, а не его усвоение от поколения к поколению; 4) выполнение общественных функций, не свойственных национальным языкам, и невыполнение общественных функций, им свойственных (или выполнение постольку, поскольку данный мировой язык является языком национальным, т. е. родным языком своей нации) [2]¹.

¹ Следует отметить, что при рассмотрении отдельного национального языка на положении мирового могут быть выделены такие характеристики, которые являются специфическими именно для данного языка. Так, Ю. Д. Дешериев указывает семь характеристик, относящихся к русскому языку и отличающих его от других мировых языков, главным образом в аспекте культурного строительства и культурного обмена между народами Советского Союза и за пределами страны [3].

Следовательно, характеристики языка как мирового проводятся по четырем параметрам: по параметру распространённости, где принимается во внимание количественный показатель и региональный; по параметру отношения к языку лиц, использующих данный язык (или стремящихся его использовать); по параметру особенностей усвоения; по параметру общественных функций. Именно по последнему параметру В. Г. Костомаров сопоставляет язык мировой и язык национальный. В то же время как раз последний тезис нуждается в уточнении. Во-первых, следует подчеркнуть, что мировым языком может стать только язык национальный. Во-вторых, «общественные функции» в трактовке, приведенной выше, могут быть приняты лишь в значении «сфер», которые объективно отсутствуют в данной национальной среде и которые создаются ситуациями межгосударственных контактов. В таком понимании «общественные функции» языка выступают как ввелингвистическая категория. Но если общественные функции представить в качестве лингвистической категории в интерпретации, предложенной В. В. Виноградовым, то для мирового языка они не могут быть такими, которые не свойственны данному языку как языку национальному, ибо только в национальном языке наиболее полно и наиболее исчерпывающе реализуются его возможности, особенности его системы и структуры.

По концепции В. В. Виноградова трехчленное разделение общественных функций языка — общение, сообщение и воздействие — ориентировано на функционально-стилистическую систему русского языка [4]. Эти категории (общение, сообщение и воздействие) оказываются соотносенными, если отчасти не совпадающими, с категориями коммуникативности, информативности и экспрессивности. В итоге рассмотрения этих функций в соположении с функционально-стилистической системой нетрудно убедиться, что национальная специфика языка выражается не столько наличием социальных функций в обобщенном виде, сколько распределением и проявлением этих функций в той или иной общественной сфере при реальном использовании языка во всем многообразии его форм.

Что же касается трех первых признаков мирового языка, — т. е. распространённости, отношения к нему говорящих и приемов усвоения, — то применительно к признаку «национальный» они трансформируются следующим образом. Для статуса национального языка признак количества носителей и территориальной распространённости не является определяющим. Для национального языка как языка родного полностью нейтрализуется признак его «сознательного» принятия. Изучение же национального языка с тех же позиций, т. е. как родного языка, превращается в освоение основных правил грамматики и правописания, и эта область является предметом школьного обучения. Усвоение же собственно коммуникативной функции национального языка в сфере непрофессионального общения и вне производственной деятельности происходит стихийно: в семье, в окружающей среде, и совершенствуется большей частью также стихийно в соответствии с действующей нормой. (Разумеется, известное значение здесь имеет практическая деятельность языковедов, направленная на повышение уровня культуры речи в целом и на совершенствование ораторского мастерства, в частности). Те оппозиции, по которым осуществляются исследования современного русского языка, охватывают многообразие его форм прежде всего как языка национального: общенациональное — диалектное — просторечное — разговорное — литературное, нормативное — ненормативное, письменное — устное и т. д.

Какие же параметры и какие характеристики актуализируются в понятии «русский язык как средство межнационального общения»?

Во-первых, параметр распространённости приобретает четкие границы — территория Советского Союза. Во-вторых, признак сознательного принятия существенно дополняется признаком добровольности. При анализе этой стороны вопроса необходимо учитывать роль общественных факторов, которые связаны с этической оценкой авторитетности. Если в формировании русского языка как мирового большое значение имеют достижения советского народа во всех областях народнохозяйственной жизни,

которые в совокупности способствуют авторитетности русского языка, то в формировании статуса русского языка как языка межнационального процесса и тенденции в производственно-экономических областях и в духовных — единые для всего советского народа — являются определяющими. В-третьих, обучение русскому языку в национальной школе значительно отличается от его преподавания, с одной стороны, как языка иностранного, а с другой — как языка родного. Следует отметить, что в настоящее время преподавание в национальной школе во многом базируется на тематическом принципе. Лингводидактическая квалификация «темы» опирается на внеязыковую основу: «тема» понимается как главное содержание акта речи. На первый план при этом выносятся уровень лексики, тогда как грамматический уровень в совокупности его составляющих выступает при таком подходе в виде подчиненной величины. Грамматические категории в подобных случаях усваиваются на основе изучения лексических объединений, актуальных для той или иной темы, т. е. для конкретного содержания акта речи². Состав лексико-тематических групп является своего рода дифференцирующим показателем при преподавании русского языка в национальной школе и при преподавании русского языка как иностранного, что определяется главным образом степенью понятийной детализации внутри отдельных лексических объединений. В частности, при преподавании русского языка в национальной школе большая роль отводится общественно-политической лексике, актуальной для сферы политической жизни страны, общей для всех народов Советского Союза. Следует также иметь в виду, что при преподавании русского языка иностранным учащимся может осуществляться принцип профессиональной направленности в соответствии со специальностью той или иной группы (естественно, в данном случае подразумевается взрослый состав учебных групп), что ведет к некоторому коммуникативному и лингвистическому отбору материала. Профессиональная ориентация, безусловно, проявляется и при преподавании русского языка в национальном вузе, но здесь она служит не для ограничения ситуативных форм общения, не для определения их обозримого состава, а для более углубленного усвоения терминологической и специальной лексики.

Но, пожалуй, наиболее важным фактором, позволяющим разграничивать преподавание русского языка как иностранного и преподавание русского языка в национальной школе, является ориентация на языковую среду. Преподавание русского языка в национальной школе принципиально нацелено на билингвизм: оно осуществляется параллельно с изучением родного языка. В то же время понятие иноязычной среды на фоне современных миграционных процессов в стране наполняется новым содержанием: оно указывает не только на национально-языковую однородность, но и на национально-языковое многообразие в пределах союзных и автономных республик и областей. Из этого следует, что изучение взаимовлияния русского языка и национальных языков должно исходить не только из фактора национально-русского билингвизма, но и из фактора полилингвизма, принимая его как определенную языковую ситуацию. При этом полилингвизм понимается прежде всего как функционирование нескольких языков на определенной территории и во вторую очередь как одновременное владение несколькими языками населением данной территории. В этом отношении весьма показательны количество языков, на которых ведется преподавание в союзных и автономных республиках. Например, в Киргизии преподавание осуществляется на семи языках: на киргизском, русском, таджикском, узбекском и др.

В аспекте изучения полилингвизма встает очень интересная и пока мало исследованная проблема: какие специфические особенности проявляются в русской речи таджика или, например, узбека в иноязычной для них среде? Очевидно, что анализ этого вопроса не сводится исключительно

² Данный подход находит отражение прежде всего в работах методического характера. См., например, [5], ср. также [6].

ни к изучению влияния родного языка, ни к изучению влияния языка коренной нации, живущей на данной территории, — в подобных случаях неизбежно влияние обоих факторов. Сведения, полученные в результате проведенного анализа, предполагают дальнейшее сопоставление с явлениями, отражающими влияние национального языка на русскую речь в среде данной национальности или народности.

Проблема особенностей русской речи билингва в родной для него национальной среде и в русской речи билингва в инонациональной, но не русской среде может быть рассмотрена в плане критического отношения к понятию «национального варианта» русского языка. Это понятие, бытующее в некоторых лингвистических трудах, основано на отклонениях от норм русского языка, которые наблюдаются в русской речи билингва³. Но, как нам представляется, понятие «национального варианта» само по себе оказывается сильно поколебленным в связи с постановкой предыдущего вопроса. Действительно, к какому «национальному варианту» можно отнести отклонения, обнаруживающие, так сказать, смешанный характер, т. е. отклонения, вызванные не только родным языком билингва, которым он пользуется в семье и в бытовом общении, но и вызванные иноязычной для него средой? Воздействие нескольких языков особенно отчетливо прослеживается в русской речи населения пограничных районов республик. Например, в русской речи жителей Черновицкой области используются элементы не только украинского, но и молдавского языка.

В сущности, здесь мы имеем дело с фактами речи, обусловленными влиянием систем разных языков. Эти факты квалифицируются как интерференция, нарушающая закономерности и нормы русского языка на всех его уровнях.

Подробное рассмотрение трактовки этого понятия в работах отечественных и зарубежных лингвистов, равно и различных объяснений механизма интерференции, не входит в задачи автора настоящей статьи⁴. В аспекте же интересующих нас вопросов следует подчеркнуть один важный момент, а именно то, что в трудах ряда лингвистов, посвященных данной проблеме и смежным проблемам (о «языковых контактах», о «языковых смешениях»), обозначена оппозиция «индивидуального» и «общего», которую нельзя игнорировать ни при исследовании интерференции, ни при рассмотрении понятия «национального варианта» русского языка.

В лингвистическом понимании понятия «национальный вариант» исходным является признак о б щ н о с т и своеобразия русской речи у носителей того или иного отдельного, конкретного национального языка. Однако в первом же приближении обнаруживается значительная условность данного признака как неперменного для понятия «национального варианта» русского языка.

Начнем с того, что определение самого своеобразия русской речи в каждом национальном коллективе основывается на данных социолингвистических обследований и на данных социолингвистического анализа. Необходимым условием при этом являются сведения об информантах, относящихся к их профессии, образованию, месту жительства, возрасту и т. д. В то же время характер отклонений от русских норм, т. е. степень и мера влияния родного языка, самым непосредственным образом связаны с у р о в н е м владения вторым (русским) языком. По имеющимся данным, которые относятся к разным регионам Советского Союза, обнаруживается, что, как правило, степень влияния родного языка гораздо интенсивнее в русской речи сельского населения, чем в русской речи городского населения. Такие обследования были проведены в республиках территориально далеких: в Литве и Азербайджане [9, с. 10]. В обоих случаях

³ Критическое рассмотрение данного понятия в аспекте языковедческих категорий см. в статье [7].

⁴ Указанный вопрос подробно освещен в статье [8].

наблюдается одинаковая картина: уровень владения русским языком у городского населения выше, чем у населения в сельской местности. При этом отмечается не только, так сказать, идентичность факта, но и причин, лежащих в его основе: во-первых, большая национальная монолитность жителей сельской местности, чем жителей города; во-вторых, характер труда, характер производственной деятельности на селе, при которой нет настоящей необходимости коммуникации на языке межнационального общения; в-третьих, нехватка и недостаточно высокая квалификация преподавателей русского языка в сельских местностях национальных республик. Следует также отметить, что первые две причины, т. е. национальная монолитность и специфика труда, оказывают свое влияние на использование русского языка не только взрослым населением, но и учащимися школ. Так, учащиеся средних, а иногда и старших классов прибегают к русскому языку чаще в пассивной, нежели в активной форме: слушают радио, смотрят телепередачи, читают художественную литературу на русском языке. Ситуации же общения на русском языке обычно создаются на уроках. Но все же уровень владения русским языком в старших классах выше, чем в младших и средних, даже при тех экстралингвистических условиях, о которых упоминалось. Это, разумеется, очевидная истина. Но бесспорность данного положения вносит еще одну поправку в понятие «национального варианта» русского языка — поправку на возраст, т. е. национальная общность в качестве носителя «национального варианта» еще раз подвергается дроблению: по возрастному признаку и по признаку образования.

Далее. Как отмечается в социолингвистических исследованиях, уровень владения русским языком и, следовательно, активность интерференции родного языка различна даже у лиц одинакового образовательного уровня. Например, было проведено обследование степени владения русским языком студентами разных вузов Литвы [11]. Информантами были студенты разных специальностей: инженеры автоматизированных систем управления, химики, историки, экономисты, ветеринарные врачи и агрономы. В результате обследования выяснилось, что наиболее высоким уровнем владения русским языком обладают историки и экономисты, наименее — ветеринарные врачи и агрономы, в большинстве своем выпускники сельских общеобразовательных школ. Лучшее же знание терминологии по специальности обнаружили инженеры автоматизированных систем управления. Конечно, пока трудно сказать, насколько приведенные факты типичны для сферы высшего образования всех регионов и республик Советского Союза. Но в данном случае важно подчеркнуть, что даже в пределах однородного социального и возрастного национального коллектива наблюдаются значительные различия в знании русского языка, в умении им пользоваться в разных ситуациях общения, а также в степени интерференции родного языка. К сказанному следует прибавить и тот общепризнанный факт, что социолингвистические исследования базируются на охвате сравнительно небольшой группы носителей конкретного национального языка, и чаще всего информантами являются студенты или школьники (см. об этом [12]). Поэтому социолингвистические исследования в отечественном языкознании в большей степени освещают положение дел в сфере преподавания, тогда как другие сферы, в том числе производственные, остаются пока в тени.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что шкала отступлений от кодифицированных норм русского языка, от его системы и структуры в проекции на носителей одного и того же национального языка может быть очень разной и в количественном, и в качественном отношениях. Эта шкала может быть максимальной, когда становится сомнительным самый факт владения русским языком, и минимальной, при которой сказываются лишь незначительные особенности национального языка. В силу таких объективных причин понятие «национального варианта» русского языка не является постоянным и неизменным, но подразумевает некоторые подмножества «вариантов»; в силу этого и сами отклонения от норм русского языка не образуют устойчивой системы.

Вместе с тем проблема интерференции может быть рассмотрена и с иных позиций — не с точки зрения влияния отдельных национальных языков на русскую речь билингва, а с точки зрения описания самой системы русского языка в ее соотношении с речью билингвов как носителей разных национальных языков. И здесь обнаруживаются весьма любопытные факты.

В области вокализма, например, произношение *и* вместо *ы* отмечается в русской речи таджиков, литовцев, грузин, бурят и калмыков, т. е. носителей совсем не родственных языков (таджикский, как известно, относится к иранской группе, литовский — к балтийской, грузинский — к картвельской, бурятский и калмыцкий — к монгольским языкам). Но тем не менее «на выходе» влияния этих неродственных языков на русскую речь представителей названных национальностей получается одинаковое нарушение орфоэпических норм русского языка. Приведем другой пример из области консонантизма: частая мена *в* на *б* прослеживается в русской речи киргизских билингвов, подобное же нарушение наблюдается у бурят. Таким образом, некоторая общность в нарушении норм уславливается в данном случае у носителей языка, относящегося к тюркским, и у носителей языка, принадлежащего к монгольским.

Иллюстрации общности отклонений от системы русского языка можно привести из области морфологии. Например, отсутствие грамматической категории рода в тюркских языках вызывает частые ошибки при согласовании в русской речи узбеков, башкир, татар и др. носителей языков данной группы. Однако сходные отклонения свойственны также билингвам-эстонцам, т. е. носителям языка, относящегося к финно-угорской группе. Как отмечают исследователи эстонско-русского двуязычия, «в большинстве случаев затрудняет не сама техника согласования, а отнесение существительного к тому или иному роду и — в связи с этим — образование начальной формы» [13].

Подобные примеры могут быть продолжены. Однако нас в первую очередь интересует тот факт, что проблема интерференции может быть поставлена в аспекте типологии с ориентацией на систему русского языка. Здесь имеется в виду установление типических отклонений независимо от «порождающего» их механизма того или иного родного для билингва национального языка. Разумеется, предварительные этапы такой работы предусматривают анализ явлений интерференции в речи носителей отдельных национальных языков, и только на базе и на основе подобного анализа может быть произведен их синтез. Следовательно, направление исследования определяется как «от речи к системе».

Целесообразность постановки проблемы типологии интерференции обусловлена не только теоретическим интересом, но и в не меньшей мере практическими задачами. Во-первых, установление типологии обнаружит те звенья системы русского языка, которые в целом представляют наибольшие трудности для носителей разных национальных языков. Во-вторых, здесь с наибольшей наглядностью проявляется опора на коммуникативный принцип, т. е. на основное и главнейшее назначение русского языка как средства межнационального общения. Принцип коммуникативности выражается в том, что анализ проводится на речевом материале, точнее, речевой материал является отправным при исследовании; при установлении «уязвимых» звеньев системы русского языка коммуникативность присутствует в качестве потенциала дальнейшей реализации нормативных требований. В-третьих, типология интерференции позволит определить особенности системы русского языка именно как языка межнационального общения, ибо при этом обнаруживаются такие ее свойства и качества, специфика которых может и не осознаваться носителями русского языка как языка родного. Такой нормативный ракурс исследования является культурно-речевым в том отношении, что он подразумевает преодоление «первой ступени» культуры речи, когда усвоение системы русского языка с самого начала ориентировано на оппозицию «правильного» — «неправильного».

По-видимому, предлагаемый аспект изучения интерференции должен

осуществляться в проекции на уровни языковой системы. Иначе говоря, квалифицируя данный речевой факт как известное нарушение, исследователь обязан соотносить его с определенным ярусом языковой системы. Однако не все уровни оказываются с этой точки зрения в одинаковом положении. Наиболее легко квалифицируются явления, относящиеся к фонетико-фонологической подсистеме. Это и понятно: фонетико-фонологическая подсистема, как известно, обнаруживает возможности более четкой формализации сравнительно с другими ярусами. Что же касается морфологических категорий, то в речи они оказываются теснейшим образом связанными с синтаксическими явлениями. Так, например, ошибки в русской речи носителей тюркских языков, когда предложные конструкции заменяются беспредложными (типа *щетка обуви* вместо *щетка для обуви*), соседствуют с конструкциями, где требуемая форма родительного падежа заменяется формой именительного падежа (*зал для пассажиры*) [14].

При постановке этих вопросов первоочередной задачей является разработка методики установления и описания интерференции. Система русского языка при этом представляется в виде своеобразной сети, через которую «пропускаются» обобщенные факты отклонений в русской речи билингов. Трудности усугубляются и тем, что в речевом потоке и в его отдельных фрагментах грамматические нарушения нередко обусловлены семантически, в частности, это сказывается на уровне сочетаемости. В то же время семантические ошибки имеют собственное значение, и в каком-то смысле нарушения в области семантики обнаруживают большую самостоятельность, независимость, чем нарушения грамматические. Очевидно, эти особенности лексико-семантического уровня оказывают влияние на лингводидактические принципы преподавания русского языка в национальной школе, когда особый упор делается на различного рода лексико-тематических объединениях.

Устойчивость интерферирующего влияния родного языка на русскую речь билингов на лексико-семантическом уровне подчеркивает известный советский языковед В. И. Абаев, ссылаясь на свой собственный языковой опыт: «Я владею русской речью с детства, а последние 30 лет почти постоянно живу в русском окружении. И однако же я до сих пор нередко ловлю себя на том, что продолжаю мыслить на родном мне осетинском языке. Например, мне случается иногда употреблять глагол *положить* там, где следует сказать *поставить*: *положить стакан* вместо *поставить стакан*. Почему? Несомненно, потому, что в осетинском „положить“ и „поставить“ выражается одним и тем же глаголом *сæсæгун*. С другой стороны, я до сих пор чувствую какое-то неудобство от того, что в русском языке „легкий“ в смысле „нетяжелый“ (по весу) и „легкий“ в смысле „нетрудный“ выражаются одним словом, а не двумя разными, как в осетинском (*гæсæг* и *сæсæп*). В этих и других неискоренимых семантических представлениях больше, чем в чем-либо другом, сказывается до сих пор то, что моя русская речь формировалась на осетинском „субстрате“» [15].

В высказывании В. И. Абаева следует выделить один важный момент, а именно то, что здесь не просто констатируется факт влияния родного (осетинского) языка на русскую речь, но объясняется это влияние *мыслием* на родном языке. А отсюда можно сделать вывод, что высшей ступенью овладения русским языком носителями национальных языков народов СССР является не столько «самоперевод» билингва в процессе речевого акта, сколько непосредственная мыслительная деятельность на родном (русском) языке, параллельная с речевым актом. В сущности, здесь мы приходим к фактору осознанности механизма неродного языка, который ведет, в свою очередь к совершенному владению вторым языком.

Конечно, исследования в предлагаемых направлениях, ориентированные на лингвистическую теорию и практику, осуществимы в долгосрочной программе. Но только высокий уровень знания русского языка должен обеспечить претворение гармонического национально-русского двуязычия, характеризующего перспективы языкового развития в Советском Союзе. При этом очевидно, что общественная значимость изучения русско-

го языка как средства межнационального общения во всех возможных аспектах повышает ответственность лингвистов при анализе многообразных проблем, связанных с этой темой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А. Л. Художественный образ и гносеологическая специфика искусства. М., 1981. с. 70.
2. Костомаров В. Г. Мировое значение русского языка в XX в. и его положение среди других языков.— В кн.: Русский язык в современном мире. М., 1974.
3. Дешериев Ю. Д. Тенденция развития языковой жизни человечества и русский язык как один из мировых языков.— В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения: Доклады советской делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ. М., 1979, с. 249.
4. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 6.
5. Саязова Л. Г. Усвоение грамматических явлений в связи с тематически связанной лексикой.— Русский язык в казахской школе, 1969, № 3.
6. Саязова Л. Г. Лексика как система и методика ее усвоения. Уфа, 1979.
7. Иванов В. В., Михайловская Н. Г. Русский язык как средство межнационального общения: актуальные аспекты и проблемы.— ВЯ, 1982, № 6.
8. Дешериева Ю. Ю. Проблема лингвистической интерференции в современном языкознании.— В кн.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
9. Баскаков А. Н. О функционировании русского языка в Азербайджанской ССР.— В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.
10. Михальченко В. Ю. Функционирование русского языка в Литовской ССР и его взаимодействие с литовским языком.— В кн.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977.
11. Меркене Н. А. Функционирование и преподавание русского языка в сфере высшего образования Литовской ССР.— Lietuvos kalbotyros Klausimai, XIX. Socialinės lingvistikos problemos. Vilnius, 1979.
12. Крючкова Т. Б. К вопросу о методах социолингвистических исследований.— В кн.: Теоретические проблемы социальной лингвистики. М., 1981.
13. Пяль Э., Тостель Э., Тукумцев Г. Сопоставительная грамматика эстонского и русского языка. Таллин, 1962, с. 93.
14. Мейрамов Г. А. Интерференция при изучении несогласованных определений (на материале тюркских и русского языков).— В кн.: Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979.
15. Абаев В. И. О языковом субстрате.— В кн.: Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. Вып. IX. М., 1956, с. 66.